

ГРАФИКА РУССКОГО ЯЗЫКА ДО И ПОСЛЕ КИРИЛЛА

То же самое они сделали и со славянским языком — разбили его на куски, перенесли их через решетку кириллицы в свои уста и склеили осколки собственной слюной и греческой глиной...

Милорад Павич. Хазарский словарь

Предлагаемое решение вопроса о происхождении буквы как знака языка оказывается настолько простым, что способно объяснить удивительный феномен сходства букв в самых разных и удаленных территориально друг от друга азбуках. По мнению автора, буква — это рисунок, своеобразный иероглиф органов речи в момент произнесения звука. Некоторые буквы до сих пор сохраняют свою иконическую изобразительность. Именно такое обстоятельство объясняет сходство облика букв в самых разных графических системах мира и делает неизбежным это сходство в разных и не связанных друг с другом по происхождению алфавитах.

Вторая важная идея — доказательство того, что славяне до Кирилла имели письменность — глаголицу. Именно глаголицу взял за основу Кирилл и «перелицевал» по греческому образцу, оставив 8 глаголических букв неизменными. Об этом недвусмысленно говорится в «Житии Кирилла».

Ключевые слова: письменность; буква; иероглиф; кириллица; глаголица; генезис письма; графема; фонема; Кирилл и Мефодий.

Вопрос о происхождении графики будоражит умы ученых и любознательных людей с того момента, когда на язык как таковой было обращено внимание, т. е. его стали осознавать и замечать, а потом и изучать как отдельное явление. Однако эта проблема оказалась наиболее трудной для разрешения, если иметь в виду происхождение буквы как таковой (происхождение пиктограммы или иероглифа как рисунка ситуации или предмета понятно само по себе). И трудность, с которой сталкивалось и сталкивается решение этой проблемы, будет в какой-то степени понятна,

если мы учтем тот факт, что различие между такими феноменами языка, как буква и звук, очень трудно давалось не только простым грамотным людям, но и профессиональным лингвистам. Можно сказать, что вплоть до конца XIX века смешение звука и буквы было массовым явлением в ученых трудах языковедов, т. е. смешивалась первичная звуковая семиотическая система языка и его поздняя вторичная семиотическая система — письмо. Более того, колоссальное направление в лингвистике — сравнительно-исторический метод и лингвистика построены на априорном допущении, что древняя буква точно передает звук. Можно предположить, что древнейшая протобуква (самая первая буква) действительно соответствовала звуку (хотя это совсем необязательное условие). Однако даже если это так, все-таки сразу же мы сталкиваемся с проблемами орфографии: система письма не обязательно должна быть транскрипцией даже в начальный период развития письменности, из чего следует, что слово звучащее и написанное могли не соответствовать друг другу уже в момент возникновения письменности. Так, например, в северосемитских языках, из двадцатидвухбуквенной азбуки которых позже произошли многие другие азбуки, гласные звуки просто не отражались на письме, однако в языке они были и в речи также звучали. Подобным алфавитом был и финикийский алфавит (древнейшая надпись датируется XI веком до н. э.) — в этом алфавите было 22 буквы, передающие только согласные звуки.

И.А. Бодуэн де Куртенэ первым в мировой лингвистике провел отчетливую грань между буквой и звуком, а затем прибавил к этим чисто материальным лингвистическим объектам и ментальные соответствия: звуку соответствовала фонема, букве — графема. О различии между «произносительно-слуховой и писанно-зрительной» формой речевой деятельности Бодуэн писал в работе «Об отношении русского письма к русскому языку» [2: с. 209–235]. Но к одному различию и противопоставлению в теории Бодуэна дело не сводилось, он также аргументированно объяснил взаимосвязь между ними. Так, он пишет: «Действительная связь между письмом и языком может быть связью единственно психической. При такой постановке вопроса как письмо и его элементы, так и

язык и его элементы превращаются в психические величины, в психические ценности. А так как и преходящие звуки языка во всем их разнообразии, и остающиеся буквы мы должны представлять себе происходящими и существующими во внешнем мире, то, когда дело доходит до психических величин и психических ценностей, и буквы и звуки надо заменить их психическими источниками (точнее, эквивалентами. — *Е.К.*), т. е. представлениями звуков и букв, существующими и действующими постоянно и непрерывно в индивидуальной человеческой психике» [2: с. 210].

Заметим, что несколько архаизированный язык И. А. Бодуэна де Куртенэ требует комментария. Сам по себе психический подход Бодуэна к элементам языка следует понимать в ментальном смысле, т. е. его термин «психическое» в современном метаязыке может соответствовать термину «ментальное», «образное». И в целом подход Бодуэна к языку может соответствовать когнитивной идеологии описания языка. В этом случае «психические ценности» означают не что иное, как образно-ментальные величины и ценности. Важнейшим термином в системе Бодуэна является «представление», — этот термин нельзя понимать иначе, как образ, т. е. ментальная копия материального предмета в сознании. Так звук или буква, как артефакты материальные, отображаются в сознании, точнее, в его лингвистическом блоке в виде ментальных копий, образов, непрерывно и постоянно существующих в лингвистическом секторе сознания человека.

Итак, в приведенных выше словах в кратком виде изложена суть устройства механизма графической системы языка. И.А. Бодуэн де Куртенэ далее замечает: «Между психическими элементами языка, т. е. произносительно-слухового языкового мышления, и между психическими элементами письма, т. е. писанно-зрительного языкового мышления, нет никакой необходимой «естественной связи», а имеется только случайное сцепление, называемое ассоциацией» [2: с. 210–211]. Другими словами, между формой буквы и самим звуком никакой естественной связи нет, эта связь произвольная, что превращает букву в произвольный знак звука (не-символ). И это так в какой-то степени в настоящее время, но это не могло быть так в момент возникновения письма.

Из положений, выдвинутых Бодуэном, следует, что графическая система соответствует как вторичная знаковая система фонетической (звуковой) системе языка и поэтому существуют две ассоциированных единицы — *фонема* (звукорепрезентация) и *графема* («букворепрезентация», т. е. образ буквы), при этом графема — это чистый знак звука, т. е. не-символ.

По отношению к фонемам Бодуэн усматривает возможность их расщепления на более мелкие атомарные единицы — кинемы и акусы (впоследствии Р. Якобсон и Н. Трубецкой предложили термин «различительный признак» фонемы, который и вытеснил терминологию Бодуэна, однако эта замена «выплеснула ребенка»), — букве же в такой возможности деконструкции совершенно несправедливо было отказано. Итак, Бодуэн не считает, что буква способна к разложимости на конструктивно составляющие элементы, которые терминологически можно было бы обозначить как, например, «штрихемы» — в параллель с кинемами и акусами. Так, он пишет: «Следует считать признаком графем их неразложимость... При этом напомним, что обнаруженная графема становится буквою, точно так же как и обнаруженная фонема становится звуком» [2: с. 213–214]. Опять заметим, что слово «обнаруженная» использовано Бодуэном в смысле «реализованная», «воплощенная в реальности».

Костяк общей теории письма, созданный Бодуэном, обрастал частностями, хотя в основе своей сохранился и не потерял теоретической ценности до сих пор, хотя в последнее время была даже создана графическая лингвистика с графемикой как ее особым разделом [1], основанная на иных теоретических положениях. Тем не менее стало ясным, что при очень хорошей степени владения языком могут возникать прямые ассоциации между значением слова и его графическим экспонентом при быстром чтении. С другой стороны, при научении чтению и медленном (не в смысле Л.В. Щербы) чтении, если иметь в виду индивидуальный язык (идиолект), такая связь звука и буквы возможна только через ступень графемно-фонемных ассоциаций, что доказывается микродвижениями органов речи при медленном чтении. Характеризуя ситуацию быстрого чтения, Д. Нериус пишет: «Письменный язык из первоначальной

вторичной знаковой системы, которая служила лишь для передачи звучания, превращается в первичную знаковую систему, элементы которой, как и элементы устной речи, функционируют как формы материализации значений» [8: с. 12]. Л.Р. Зиндер поставил и такой вопрос: возможно ли влияние написания на произносительную норму и ответил на него положительно, приведя в качестве примеров русскую орфоэпическую огласовку фамилий Гегель, Гирт, которые по-немецки звучат одинаково с начальным (h). Можно добавить в качестве примера петербургское произношение слов *что*, *конечно* без диссимиляции (т. е. с аффрикатой вместо шипящего звука, как в московской норме), которое также навеяно их письменной формой.

В последующем изучении русского письма был преодолен запрет Бодуэна на расчленение букв на составляющие элементарные частицы, названные здесь штрихетами (условимся, что штрихета — это горизонтальная, вертикальная или закругленная черта как часть буквы). З.М. Волоцкая, Т.Н. Молошная и Т.М. Николаева (1964), вопреки мнению Бодуэна, предприняли попытку расчленить буквы на дифференциальные признаки, подобно фонемам, — и эта попытка оказалась более чем удачной по отношению к современным буквам русского кириллического алфавита. Нам представляется, что вопрос о дифференциальных признаках (штрихетах) онтографем (древнейших или самых первых из возникших букв) намного сложнее, и об этом будет особо сказано ниже.

И.Е. Гельб книгой «Опыт изучения письма» заложил основы направлению в изучении письменной формы языка, получившему название «грамматология» (см. также работы Т.А. Амировой (1965, 1977), А.А. Волкова (1962). Суть грамматологии сводится к утверждению, что первоначально письмо имело независимый от звучащей речи характер, но потребность в адекватной передаче имен собственных привела к развитию фонетизации написаний [5: с. 73]. По нашему мнению, в филогенезе языка все обстояло как раз наоборот, но в любом случае, лучше иметь разные точки зрения, чем не иметь их вообще.

И.А. Бодуэн дэ Куртенэ в своей основополагающей работе, упомянутой выше, разделял такие понятия, как алфавит и графика. Это разделение алфавита и графики, на первый взгляд, кажется не-

понятным, однако в нем есть смысл. Л. Р. Зиндер, характеризуя эту точку зрения Бодуэна, пишет: «Из дальнейшего изложения видно, что и в том и в другом случае речь идет об отношении между буквой (графемой) и звуком (фонемой), но только с разных точек зрения. Если брать за исходное буквы и устанавливать, какие фонемы ими обозначаются, — это алфавит; если же отправляться от фонем и других звуковых единиц, например, слогов, и определять, при помощи каких графем или их сочетаний они обозначаются, — это графика» [8: с. 54]. Современные представления теории информации позволяют рассматривать письмо как разновидность кода, переводящего акустический речевой сигнал в графический, причем обязательным свойством кода является его условность: код создается сознательно и произвольно и его можно произвольно менять, поэтому возможны случаи смены алфавита у одного и того же языка [8: с. 43].

Например, татарский литературный язык сначала пользовался арабской графикой, затем перешел сначала на латинский алфавит, а затем на кириллицу, которая не менее удобна для отражения звуковых особенностей татарского языка, чем латиница или арабская вязь.

И все же наибольший интерес представляют вопросы происхождения письма, которое находится в тесной связи с эволюцией языкового строя. К рассмотрению этих важнейших вопросов мы и обратимся в дальнейшем.

В эволюции письма и языка можно выделить ряд этапов. Так, древнейший вариант письма — идеография возникла как самый первый и простейший вариант письма, основанного на непосредственном схематическом изображении предмета в иероглифической форме. Такая форма письма, как пишет Л.Р. Зиндер, «должна была сохраняться по крайней мере до того этапа развития языка, когда его звуковая сторона приобрела автономность. Естественно, что, пока нерасчлененный звуковой комплекс был однозначно связан с соответствующим «смыслом», только передача этого «смысла» без учета его выражения в речи была целью первоначальной стадии развития письма. Эту стадию полностью отражает идеография, приспособленная только к передаче содержания. Можно сказать, что пиктография не передает речь, а замещает ее» [8: с. 45, 47]. Заметим, од-

нако, что идеография как система графики, представляющая собой непосредственный рисунок предмета, не была обязательной стадией в эволюции всех языков индоевропейского ареала. До начала «осевого времени» у многих индоевропейцев просто не было никакой письменности, что не означает, что индоевропейцы не пользовались собственно рисунком для передачи информации. В книге И.К. Кузьмичева описаны типы «пещерных» рисунков, которые обнаруживаются на индоевропейской территории с древнейших времен и которые не только информативны, но и эстетичны (Кузьмичев, 1997).

Иероглифическое письмо соответствовало такому типу языка, в котором слово не было и не могло быть производным, разложимым на морфемы, — такое слово вычленялось в речи как целокупная самостоятельная единица. К такому типу языков принадлежат китайский и др. Этот тип языка можно назвать морфемно-внедеривационным (в нем нет морфологического типа словообразования в общепринятом смысле слова, однако широчайшим образом представлено семантическое словопроизводство. Этим языкам свойственна такая черта, как равенство слога слову, слова — морфеме, то и другое представлено в изолированном виде «морфемословослога». Безусловно, иероглифическое письмо было прогрессивным для такого типа языка и превосходно справлялось с функцией коммуникации на этапе развития общества, не использующего абстрактную лексику и морфемное словообразование. Поразительным свойством такого письма является удивительная транстемпоральность, — речь идет о способности грамотного человека читать тексты тысячелетней давности как современные, поскольку те и другие изобразительны и написаны на принципиально одной графике. Однако по мере нарастания в подобных языках абстрактных слов типа «дружба», «отношение» и подобных, которые трудно «нарисовать», начался процесс преобразования иероглифического письма, когда во многих случаях иероглиф уже не является рисунком предмета, а обозначает слог или звукокомплекс, хотя до сих пор конкретные предметы в китайском, например, языке просто передаются «на письме» схематичным рисунком, — такими иероглифами являются знаки «человек», «дом» и многие другие. В ряде стран (прежде всего в Японии и в Китае)

возникла ситуация графического двоевластия, когда используется иероглифика и латиница параллельно, при этом латиница чаще всего обслуживает язык коммерции и международной рекламы).

Качественный скачок в развитии системы письма произошел с появлением современной буквенной системы письма.

Основным является вопрос о механизме формирования буквы как языкового знака, поэтому обратим основное внимание на разгадку феномена буквы как таковой, т. е. попытаемся разгадать природу буквы в индоевропейских языках, оставив за пределами рассмотрения клинопись и иероглифику. Более того, сузим ареал рассмотрения только некоторыми дохристианскими и раннехристианскими азбуками, — и прежде всего греческими и славянскими буквами, а также грузинским и армянским письмом. Нас будет интересовать славянская протобуква, которая легла в основу древнейшего славянского письма, а также вопрос о графике, которую создал Константин в IX веке н. э. Как ни странно, эти вопросы оказываются очень тесно взаимосвязанными.

И в этом трудном деле, как всегда, нам помогут сравнения с другими языками и графиками, а также его величество случай. Итак, начнем с открытия поразительного сходства график очень разных языков, которое сделал Н.С. Трубецкой, обнаруживший сходство глаголицы и древнегрузинского письма «Асомтаврули». О таком сходстве писал также В. А. Истрин: «Имеется некоторое сходство и в общем графическом характере грузинского, армянского и глаголического письма» [9: с. 106, сноска]. Позже академик Т.В. Гамкрелидзе специально анализировал поразительный факт буквенного сходства трех разных азбук — *глаголицы*, древнегрузинской азбуки *асомтаврули* и древнеармянской азбуки *еркатагир*. Характерно, что асомтаврули и еркатагир с древнейших времен не очень сильно изменились и лежат в основе современных грузинской и армянской азбуки. Т.В. Гамкрелидзе посвятил большую статью формированию некоторых письменных систем раннехристианской эпохи, проанализировав коптскую, готскую, старославянскую, древнегрузинскую и древнеармянскую письменности. Позиция Т.В. Гамкрелидзе по отношению к вопросу

о происхождении этих трех азбук с самого начала двойственна. Сначала он допускает, что асомтаврули и еркатагир могли возникнуть под влиянием греческого минускульного письма. Однако в дальнейшем Т.В. Гамкрелидзе утверждает, что графические символы древнеармянской письменности «Еркатагир», созданной первоучителем всех армян Месропом Маштоцом, «изобретены в основном независимо от греческой графики в результате оригинального творчества его создателя с использованием различных негреческих образцов. В этом отношении древнеармянская письменность противостоит типологически другим письменным системам, опирающимся на греческую письменность: коптской, готской и старославянской кириллице» [4: с. 9].

К аналогичному выводу Т.В. Гамкрелидзе пришел и по отношению к древнегрузинскому письму «Асомтаврули», созданному неизвестным автором в период до V века н. э. (первые образцы «Асомтаврули» датируются V в. н. э.). Так, Т.В. Гамкрелидзе пишет: «Составитель древнегрузинского алфавита создает самобытную национальную письменность, и это положение подтверждается рядом обстоятельств: во-первых, в древнегрузинской письменности очень много букв, образующих специфическую систему, не соотносимую ни с какой другой графической системой — это буквы, символизирующие звуки (с), (3)... (х)... (з)...; во-вторых, названия букв древнегрузинского алфавита не повторяют наименований соответствующих знаков греческой системы-прототипа (или какой-либо другой письменной системы)» [4: с. 192]. Однако по отношению к глаголице, к сожалению, подобного вывода в статье Т.В. Гамкрелидзе сделано не было, т. е. не было подчеркнуто, что и глаголица была образована самостоятельно и независимо ни от какой азбуки, хотя оснований для этого предостаточно: многие исследователи отмечают оригинальность внешнего вида букв глаголицы.

Далее Т.В. Гамкрелидзе анализирует возможность влияния греческого уставного письма на эти три азбуки — глаголицу, древнеармянскую и древнегрузинскую азбуку — и приходит к выводу, что такое влияние было, но речь должна идти об общем принципе, а не прямом заимствовании. Т.В. Гамкрелидзе хорошо сформулиро-

Итак, Н.С. Трубецкой, В.А. Истрин, Т.В. Гамкрелидзе и другие исследователи поставили важнейшую научную проблему: имеется три азбуки, которые похожи друг на друга, — это глаголица, еркатагир и асомтаврули (на самом деле похожих друг на друга азбук должно быть намного больше). Возникает вопрос: почему глаголица, еркатагир и асомтаврули похожи друг на друга, если встать на точку зрения, что о взаимовлиянии речи идти не может.

По нашему глубокому убеждению, эту проблему следует решать, правильно поставив вопрос: было ли сходство в момент возникновения этих трех азбук?

Мы готовы ответить положительно на этот вопрос: сходство разных азбук в момент возникновения должно обязательно быть, но совсем не потому, что одна азбука влияла на другие. Другими словами, вполне закономерным было сходство всех трех азбук в момент их возникновения, иначе и быть не могло, но при этом — подчеркнем особо — они не влияли друг на друга, а были созданы каждая самостоятельно и независимо друг от друга. Мы ответим положительно и на другой вопрос, подчеркнув, что влияние греческой азбуки на другие было значительным после принятия христианства у славянских и кавказских народов, но это влияние греческой азбуки осуществлялось на уже существующие оригинальные национальные системы письма, т. е. уже после их возникновения. Влияние греческой азбуки в осевое время усиливалось вместе с распространением христианства, поскольку греческая азбука воспринималась как один из его атрибутов.

Итак, возникновение буквенного письма — это величайшая информационная революция в истории человечества. Мы осмелимся утверждать, что именно она сделала возможным возникновение христианства и его распространение как мировой религии. Эта революция создала новое осевое время и нового человека, многократно увеличившего объем передаваемой и накапливаемой информации. Фактически с этого момента начался век информации, и следующее великое открытие, ознаменовавшее второй этап информационной революции, — печатный станок — обозначило то, что М. Маклюэн назвал гутенберговой галактикой, в которой мы живем по сей день. В конце прошлого века свершился третий этап информационной

революции, ознаменовавший возникновение глобального информационного интернет-сообщества. Так информационные подсистемы объединились в глобальную Сеть, а информация превратилась в самый ценный товар.

Не вызывает сомнения, что начало современной информационной эпохи было положено открытием буквы, и наибольший интерес в этой связи вызывает сам механизм возникновения буквы.

Мы склонны считать, что буква графически отображает некоторые черты артикуляции в момент произнесения звука речи. Еще точнее: мы уверены, что протобуква возникла как рисунок, как своеобразный иероглиф, но не предмета или сценки из жизни, а артикуляции звука, артикуляционной фигуры, которая образуется из органов речи в момент произнесения звука (назовем эту вполне материальную, зримую артикуляционную конфигурацию артикуляцией звука, помня о том, что у нее есть и ментальная копия, которую назовем артикуляцией, исходя из общепринятого уже разделения единиц языка на этические и эмические).

Итак, для нас стало очевидным, что вновь возникшая древнейшая буква представляет собой не что иное, как схематичное графическое изображение артикуляции, т. е. соположения речевых органов при произнесении того или иного звукотипа. И такое положение в определенной степени сохранилось по сей день, т. е. и сейчас в графическом облике буквы мы можем обнаружить схематический рисунок артикуляционной, т. е. конфигурации органов речи, необходимой, чтобы при продувании воздушной струи через эту артикуляционную формулу получился звук. Если мы обратимся к букве (о) в почти любой из европейских азбук, то достаточно одного взгляда в зеркало, чтобы убедиться, что эта буква точно рисует положение губ из положения анфас. Другими словами, эта буква схематически изображает округлое губное отверстие, которое изоморфно самой букве в ее графическом представлении. Не является исключением и греческая омега, которая также схематически обрисовывает округлое положение губ, которое очевидно в положении анфас.

Из сказанного следует, что если в разных языках звук произносился примерно одинаково, то и рисунок артикуляционной фигу-

ры в виде буквы должен получиться в разных алфавитах примерно одинаковым — именно в этом причина сходства букв самых разных азбук, включая глаголицу, асомтаврули и еркатагир. Важно подчеркнуть, что эти азбуки создавались самостоятельно, но результаты обрисовки артикуляционных фигур получились подобными, потому что использовался один и тот же принцип обрисовки органов речи при их схематическом изображении в виде буквы. Имя этому принципу — иероглиф артикуляции (рисунок анфас), т. е. автор азбуки рисовал своеобразный иероглиф лица в проекции анфас, точнее, части лица и видимых органов речи (губ, языка, носа).

Греческая азбука построена исходя из другого принципа — это рисунок в профиль, что было более перспективно, поскольку получающийся рисунок в виде буквы был более разнообразным и информативным.

Итак, становится ясным, что языки, имеющие приблизительно одинаковые звуки, могли совершенно изолированно друг от друга развить графику, в той или иной мере одинаково изображающую артикуляционные фигуры (артикулятеты) звуков в виде букв. Так становится понятным — повторим еще раз — феномен полного или частичного совпадения букв в графиках разных языков, которые не имели или прервали родственные связи задолго до возникновения у них письменности. Поэтому феномен схожести между раннехристианскими письменностями «Еркатагир», «Асомтаврули» и «Глаголицей» в момент их зарождения объясняется очень просто — он обусловлен сходством артикуляционных фигур и их рисунков в виде букв в самых разных языках. В этом разгадка феномена схожести график разных языков, которая была неизбежна при общем принципе обрисовки артикуляции звуков, которые звучали более или менее подобно, что и вело к более или менее подобной схематизации в буквах геометрических моментов артикуляции.

Таким образом, каждый из трех вышеупомянутых алфавитов был создан на национальной почве и в момент возникновения не испытывал какого-либо влияния извне. Что же касается второго вопроса о влиянии греческого алфавита в процессе совершенствования графики того или иного языка, то возможность влияния на них грече-

ского алфавита отрицать нельзя. И в этой связи встает вопрос о том, что же создал в 863 году н. э. Константин — кириллицу или глаголицу и какая из график была первичной по отношению к другой.

Этот вопрос может показаться странным: что же иное мог создать Кирилл, кроме кириллицы (иначе бы эта азбука так не называлась)? Тем не менее этот вопрос дискутируется, более того, доминирующим в современной палеографии является мнение, что Кирилл создал глаголицу. Дискуссия на эту тему идет уже не одно столетие, и мы не будем пересказывать ее перипетии. Сразу обозначим свою позицию: мы будем придерживаться точки зрения, что до приезда солунских братьев в Моравию у славян уже была письменность, и этой письменностью была глаголица. Рассмотрим аргументы, подтверждающие эту теорию, а также контраргументы, приводимые учеными, считающими, что Кирилл и его ученики создали глаголицу.

Первыми, кто утверждал, что у славян еще в дохристианский период было самобытное письмо — глаголица, были чешские ученые Лингардт и Антон (Anton, 1789), которые считали, что глаголица возникла еще в V–VI вв. у западных славян. Подобных взглядов придерживался П.Я. Черных, Н.А. Константинов, Е.М. Эпштейн и некоторые другие ученые. П.Я. Черных писал: «Можно говорить о непрерывной (с доисторических времен) письменной традиции на территории Древней Руси» [19: с. 18]. Значительное место доказательству существования докириллического письма у славян посвятил в своей книге В.А. Чудинов, однако он придерживается особой точки зрения, которая сводится к использованию рунического письма у славян в дохристианский период [20]. Мы также принимаем точку зрения о наличии у славян в докириллический период самобытного письма, будучи глубоко убеждены в том, что глаголица возникла в дохристианское время не только у западных, но у всех славян, в том числе и у восточных, — в очень древнее время (около V века н. э.).

В середине XIX века чешский лингвист Й. Добровольский предположил, что Кирилл создал кириллицу, но позже его ученики переработали кириллицу в глаголицу, чтобы избежать преследования со стороны католического духовенства. Эту гипотезу развивали также И.И. Срезневский, А.И. Соболевский, Е.Ф. Карский и др.

В конце XIX века В.Ф. Миллер и П.В. Голубовский выдвинули гипотезу о том, что Константин создал в Моравии глаголицу, эту точку зрения поддержал болгарский академик Е. Георгиев (1952). В.А. Истрин, также сторонник этой гипотезы, в качестве аргумента приводит следующий: «Кириллица несомненно происходит из византийского уставного письма и легко могла развиваться из него чисто эволюционным путем, путем графических видоизменений или лигатурных сочетаний византийских букв, а также путем заимствования двух-трех недостающих букв из еврейской азбуки. Глаголица же не может быть полностью выведена из какой-либо другой системы письма и больше всего походит на искусственно созданную систему» [9: с. 78; в этой книге приведены и другие аргументы в пользу гипотезы о том, что Константин создал глаголицу: см. с. 145–149]. Эти бесспорно верные факты следует интерпретировать с точностью до наоборот: глаголица как уникальная, древняя и самобытная азбука самостоятельно развивалась из протоглаголического письма, сформировавшегося у древних славян в дохристианскую эпоху эволюционным путем. В работах И.А. Фигуровского мы находим описание протоглаголического алфавита, восстановленного на основе надписей на баклажках из Новочеркасского музея и на камнях и стенах Маяцкого городища на Дону. Кроме этого, имеется надпись, воспроизведенная арабским путешественником Ибн-аль-Недимом, а также надпись на глиняном сосуде X века (открыта В.А. Городцовым в 1897 г. в раскопе у с. Алексаново под Рязанью). Как пишет В.А. Истрин, близки по форме к алексановским надписям и знаки на горшках из бывшего Тверского музея, а также на медных бляхах из тверских курганов XI века [9: с. 125]. Б.А. Рыбаков считает, что некоторые из этих знаков подобны глаголическим буквам. К перечисленным примерам следует добавить и знаки, обнаруженные на свинцовых пломбах X–XIV веков на Западном Буге у села Дрогичина: на одной стороне такой пломбы видна кириллическая буква, на обратной — предположительно — протоглаголическая буква [9: с. 126].

Особое значение имеют исследования Д.И. Прозоровского, Е.М. Эпштейна, А.Л. Монгайта, Емила Георгиева, А.Д. Маневского, Ивана Гошева, А. Медынцева, Н.В. Энговатова, О. Чилики-

на, А.А. Молчанова, Г.С. Гриневича, В.Л. Янина и Б.А. Рыбакова, В.А. Чудинова, Э. Амброзича, И.Я. Бурау, С.А. Высоцкого, Л.П. Жуковской, А.И. Асова, И.С. Кузнецова, Пенчо Новакова, Горана Комара, Тома Босевского, которые приведены в сборнике «Вселенная русской письменности до Кирилла», составленном В.А. Чудиновым [20].

Мнение о том, что у славян до Кирилла было письмо, подтверждено документально, и именно об этом писал Черноризец Храбр, говоря, что у славян было письмо в дохристианскую эпоху («черты и резы»). Кроме этого, сам Константин говорит об этом: «Я рад поехать туда, если только они имеют письма для языка своего». Другими словами, он не согласился бы ехать в Моравию, если бы на этой земле не существовала письменность, которую можно было бы взять за основу для создания славянской азбуки. Кроме этого, еще до поездки в Моравию Константин уже читал и говорил на русском языке и был знаком с древнейшей русской азбукой, — весьма вероятно, что это была глаголица. Познакомился же он с русским письмом и языком, задержавшись почти на целый год в Херсонесе по дороге на знаменитый хазарский диспут с иудейскими и мусульманским проповедниками, о чем рассказано во всех без исключения списках «Жития Кирилла» [7].

Рассмотрим аргументы, которые приводит В.А. Истрин, в подтверждение тому факту, что Кирилл создал кириллицу.

1. История письма, по словам В. А. Истрина, показывает, что распространение почти любой религии сопровождалось одновременным распространением связанной с этой религией системы письма. «Так, западное христианство всегда вводилось у различных народов вместе с латинским письмом; мусульманство — вместе с арабским письмом; буддизм на среднем Востоке — вместе с индийскими системами письма (брахми, деванагари и др.), а на Дальнем Востоке — вместе с китайской иероглификой; религия Зороастра — вместе с алфавитом Авесты» [9: с. 149]. Не была исключением и восточная православная Церковь, которая несла слово Божие вместе с греческой азбукой. Вспомним при этом, что Константин не согласился бы поехать в Моравию, если бы уже там не было самобытного письма как основы для азбукотворчества.

Из этого следует, что Константин взял за основу самобытную глаголицу и создал на ее основе и основе греческой азбуки некую синтетическую письменность, названную впоследствии кириллицей, в которой греческие буквы были приспособлены для передачи славянских звуков, но часть букв была попросту позаимствована из глаголицы, что мы покажем ниже.

2. О создании Константином азбуки по греческому образцу при сохранении ряда древнейших славянских букв прямо пишет Черноризец Храбр: «Прежде оубо словене не имеху книгъ но чрътами и резами чътеху и гатааху погани суще. Крестивше же ся римскими и гръчьскими письмены нуждаахуса писати словенску речъ без оустроения но како может ся писати добре гръчьскими письмены Бъ илиживот или зело или црковь или чаание или широта или ядь или ждоу или юность или язык и инаа побнаа сим и тако беша многа лета. Потом же члклоубецъ Бъ строжи все и не оставлеу члча рода безъ разоума но вся къ разоумоу приводя и спсению помиловавъ род словенский посл им стго Константина философа нарицаемого Кирила мужа праведна и истинна и сътвори имъ д писмена и осьмь ова убо по чину гръчьскихъ писменъ ова же по словенстеи речи От пръваго же наченъ по гръчьскоу они оубо алфа а съ азъ от аза начать обое... Стый Кириль створи пръвое (првее) писмя азъ но яко и пръвомоу сущоу писмени азъ и от Ба даноу родоу словенскому на отвръстие оуст...» [9: с. 153–154, слова под титлом подчеркнуты].

Вполне ясно Черноризец Храбр говорит здесь о том, что часть букв Константин взял в греческой азбуке (по чину греческих писмен), а часть букв взял в славянской — «ова же по словенстеи речи», но начал азбуку Константин с буквы аз, как и в греческой. Более того, в списке текста Черноризца Храбра «Сказание о письменах», хранящегося в Московской духовной академии (список XV века), имеется однозначная запись: «глашати а, б, в, д, юс-большой, от сих суть кд побна гръчьским писменем. Суть же си. А, в, г, д, е, з, и, и-дес., К, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, ф, х, омега, и ... по словенску языку». Здесь речь идет о том, как произносить буквы новой азбуки.

3. По свидетельству всех без исключения списков «Жития Кирилла», Константин во время путешествия к хазарам в Херсонесе

обнаружил Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами. Вот как повествуется об этом в «Паннонском житии»: «Обрете же ту евангелие и псалтырь русьскими письмены писано, и человека обреть глаголюща тою беседою, и беседова с нимъ и силу речи приимъ, своей беседе прикладаа различнаа писмена, гласнаа и согласнаа, и к богу молитву творя, вскоре начать чести и сказати, и мнози ся ему дивляху...» [9: с. 111]. Трудно трактовать это свидетельство как-то двояко. Здесь идет речь о том, что Константин обнаружил в Херсонесе священные книги на русском языке, нашел человека, «глаголюща тою беседою» (говорящего на том языке), сопоставил различные буквы — гласные и согласные — своего и русского языка и вскоре научился читать и говорить по-русски, чему многие удивлялись. Из сказанного также следует, что русские принимали христианство и переводили греческие книги еще до 988 года, — об этом есть также свидетельство арабского источника.

4. В 907 году был заключен первый договор с Византией, о чем свидетельствует договорная грамота, не дошедшая до нас, но сохранившаяся в «Повести временных лет» в пересказе. За первым договором последовали и другие. Понятно, что договорная грамота была составлена на греческом языке, с одной стороны, и на древнерусском языке, с другой стороны. Вполне понятно, что для этого использовалась русская азбука, которой в этот период могла быть только глаголица.

5. Цифровая система глаголицы последовательна: первая буква = 1, вторая буква = 2 и т. д., что свидетельствует о том, что она была исходной системой счета. Что же касается кириллицы, то в ней все смешалось, и порядок следования букв не соответствует натуральному ряду чисел, есть буквы, которые употребляются только как цифры. Такое положение дел в кириллице возникло потому, что она синтезирует греческую азбуку и глаголицу, т. е. включает буквы из разных азбук.

Греческие буквы *пси* и *кси* практически всегда употреблялись как цифры, очень редко их можно было встретить в собственных именах *АлеХандръ*, *ХсерХъ* (*Ксеркс*), иногда в словах типа *псалом* (с первой буквой *пси*).

6. У южных славян есть легенда, повествующая о том, что у них с древних времен существовало письмо.

7. В. А. Истрин и П. Я. Черных приводят и такие аргументы: если считать, что письмо у славян не существовало еще задолго до принятия ими христианства, то непонятен и неожиданно высокий расцвет болгарской литературы в конце IX – начале X в., а также позже древнерусской литературы («Слово о полку Игореве», как и «Моление Даниила Заточника», «Русская Правда» написаны на древнерусском, а не на церковнославянском языке), не будут также понятны широкое распространение письменности в быту восточных славян X–XI вв. и высокое мастерство, которого достигло на Руси уже к XI в. искусство письма и книжное оформление (пример — «Остромирово Евангелие») [9: с. 104].

Итак, наиболее непротиворечивой и документально подтвержденной версией возникновения кириллицы становится версия создания кириллицы путем замены большинства букв древнейшей глаголицы на греческие. Однако часть букв, которые обозначали звуки, отсутствующие в греческом языке, перешли в кириллицу из глаголицы.

Рассмотрим подробнее, какие буквы глаголицы были устранены и какие при некоторой перелицовке и подгонке к греческому канону сохранились. Итак, Храбр говорит, что Кирилл создал «дл письмомена и осемь», т. е. 30 и 8 = 38 букв. Из них 24 буквы восходят к греческому алфавиту (*аз, веди, глаголь, добро, есть, земля, иже, и, како, люди, мыслете, наш, он, покой, рцы, слово, твердо, ферт, ха, омега, пси, кси, фита, ижица*), при этом *кси* и *пси* не существовали ранее в глаголице.

Однако следует отметить, что из перечисленных выше 24 букв имеется в кириллице группа букв, внешне похожих как на буквы глаголицы, так и на греческие буквы, поэтому такие буквы, можно сказать, имеют двойную мотивацию внешней формы: это буквы *добро* и *дельта*, *есть* и *эпсилон*, *люди* и *лямбда*, *мыслете* и *ми*, *рцы* и *ро* (*рцы* — перевернутая *ро*), *твердо* и *тау*, *ферт* и *фи*, *о* и *омега*, *о* и *о-микрон*. Таким образом, из 38 букв кириллицы собственно и только греческими по происхождению можно при-

знать 14 букв: *аз, веди, глаголь, зело* (из греческой дигаммы), *ижсе, како, наш, покой, слово, ха, омега*, — плюс к этому *ижица, пси, кси*, две последние из которых практически как буквы не употреблялись (*ижица* имела значение (и) или (у) с умляутом и употреблялась противоречиво и непоследовательно).

Значительная часть кириллицы фактически заимствует буквы из древнейшей глаголицы, однако Константин подогнал эти буквы под общую стилистику греческой азбуки, убрав некоторую витиеватость. Тем не менее любому не посвященному в таинства графемики видно, что глаголические буквы *цы, червь, ша, шта, ер, ерь, ю* перешли в кириллицу при минимальном внешнем изменении. Глаголические буквы *юс-большой* и *юс-малый*, а также эти же *юсы* йотированные при переходе в кириллицу были просто повернуты на 90 градусов и с «боку» поставлены «на ноги», — это было сделано Константином, чтобы придать им удобный для скорописи вид. Что касается буквы *ять*, то следует признать, что она возникла при увеличении *ера* (Б) и придании ему черты в верхней части. Очевидно, что эта буква была просто придумана Константином, который решил не использовать глаголический *ять* из-за его графической сложности (треугольник с внутренним разделением тремя чертами), — и сделал правильно, поскольку преследовалась и чисто технологическая цель — азбука, позволяющая писать быстро на скорописи, что было необходимо для скорейшего распространения христианских книг и православия на славянских землях. Этот гигантский *ер* (Б) был использован Константином для еще одной придуманной им буквы, которая заменила глаголическую букву *дєрвь* и была похожа на кириллический *ять*, но у этого «испорченного ятя» не было снизу черты, — характерно, что этой букве нет соответствия ни в греческой азбуке, ни в глаголице, что приводит к выводу, что эту букву Константин придумал сам.

Таким образом, остаются диграфы, т. е. двойные буквы, образованные слиянием двух букв. К таковым в кириллице относятся буква *еры* (ы), йотированные *малый* и *большой юсы*, а также буква *я* (йотированный *аз*) и йотированная *есть*. Все перечисленные диграфы были образованы из слияния соответствующих букв с *десятеричным и*.

Двойная буква *ou* (ук), обозначающая звук (у) в кириллице, весьма вероятно, появилась как перелицовка глаголической буквы «ук», на которую она похожа, — заметим, что в греческой азбуке не было соответствующей буквы, а в глаголице — была.

Теперь перейдем к самому главному, т. е. к вопросу о том, не обнаруживаются ли в буквах глаголицы некоторые моменты артикуляции (артикулятемы), а также не переходят ли они в кириллицу «по наследству». Опять же невооруженным глазом видно, что при обозначении носовых звуков в глаголической букве у нее появляется два рядом расположенных, маленьких кружочка, похожих на ноздри, или один кружок, видимо, с такой же символизацией носа. Именно такой вид имеют глаголические буквы *мысле* (передает звук (м)), *наш* (звук (н)), *юс малый* (передает звук э-носовой), *юс большой* (звук о-носовой). Этот кружок или два кружка не сохраняются в кириллице, поскольку они сильно помешали бы скорописи.

Другим иероглифом органов речи в глаголице является буква *ферт*, однако подобным образом иероглифична и греческая буква *фи*, также имеющая функцию передачи звука (ф), — она еще более похожа на округлое ротовое отверстие с перемычкой из губ посередине, т. е. еще точнее обрисовывает артикулятету звука (ф). В современной букве (ф) мы до сих пор можем наблюдать хорошо отраженный схематический рисунок положения губ анфас при произнесении звука (ф): во внешнем облике буквы имеются два продолговатых отверстия с перемычкой между ними.

О форме буквы *о* во многих азбуках мы уже говорили выше, не является исключением в этом отношении и глаголица, хотя буква *о* в ней менее иероглифична, чем в греческой азбуке. Что касается других букв глаголицы в плане схожести их формы с артикуляционной фигурой, то мы посвятим этой проблеме свою будущую работу. В данной же статье коснемся в дальнейшем вопросов иероглифичности кириллических букв, помня о том, что обрисовке подлежит не сам предмет, а артикуляционная фигура (артикулятета) звука.

Таким образом, во второй половине IX века н. э. (в 863 году) Константин Философ усовершенствовал и приспособил ряд букв греческой азбуки для передачи славянских звуков, а также видоизменил ряд букв древнейшей глаголицы, создав альтернативное глаголице письмо, и на славянских землях эти две азбуки некоторое время сосуществовали. Подчеркнем еще раз, что Константин не изобрел принципиально новую азбуку в строгом смысле этого слова, он взял за основу две уже существующие азбуки и синтезировал их, т. е. он синтезировал глаголицу и греческое письмо и получил азбуку, хорошо передающую славянские звуки. Другими словами, Константин только лишь усовершенствовал древнейшую глаголицу, изменив часть ее букв на греческий лад и введя часть греческих букв взамен глаголических, приспособив полученную азбуку для передачи славянских звуков. Это была азбука для миссионерских целей христианизации язычников, уже много веков пользовавшихся глаголицей. Был, однако, период, когда обе азбуки сосуществуют и обе используются для переписывания богослужебных книг, но близость кириллицы к греческим первоисточникам приводит к постепенному распространению кириллицы и вытеснению ею древнейшей глаголицы, которая была менее приспособлена для скорописи.

Доказательством этому служит надпись на камне церкви болгарского царя Симеона (около 893 г.), ритуальная часть которой сделана на глаголице как на более древней письменности, а надпись «церковь святого Иоанна делан(а) Паухом Христофулазом», как более современная, сделана на кириллице. Еще один аргумент в пользу существования до кириллицы другого славянского письма приводит В.А. Истрин. Так, он пишет: «О существовании у славян протокирилловского письма свидетельствует и тот чрезвычайно малый срок, который понадобился Константину, согласно его «Житию», для разработки упорядоченной славянской азбуки. Такой короткий срок был возможен лишь при условии, что у Кирилла имелись какие-то исходные материалы» [9: с. 105]. Таким докирилловским славянским письмом была глаголица, что представляется нам более чем вероятным. Еще одним доказатель-

ством этому являются так называемые палимпсесты, т. е. кириллические написания по смытому глаголическому тексту (понятно, какой текст является более древним).

Имеется и ряд других косвенных свидетельств принятой в этой статье теории. В Новгороде Великом можно на стенах Софийского собора обнаружить глаголические буквы — именно на древнейшей части собора. Это доказывает, что кириллица не создавалась как оригинальная азбука «с нуля», а речь может идти о переделке и приспособлении как глаголических, так и греческих букв для славянской фонетики, хотя «чистая» глаголица также использовалась для написания христианских текстов переводного характера. Тем не менее тень языческого прошлого лежала на глаголице, поэтому в конкурентной борьбе двух азбук победа осталась за новоприобретенной кириллицей, созданной специально для переписывания переведенных с греческого языка богослужебных книг.

Если обратиться к онтогенетической сущности появления графики в языке, то очевидно одно обстоятельство: с появлением письменности становятся возможными существенные изменения фонетико-фонологического строя языка, так как графема принимает на себя роль хранительницы единства значения морфемы, монополию на которую постепенно начинает утрачивать фонема. Так, если до появления графики можно наблюдать усложнение фонетико-фонологической структуры языка, то после появления графики начинается процесс ее оптимизации, а затем и упрощения по закону Бодуэна (гласные упрощаются, согласные оптимизируются и усложняются).

Именно после появления графики начались революционные процессы в фонетике славянских языков (падение редуцированных, отпадение конечных согласных, возникновение корреляции по мягкости и др.). Это привело к созданию системы фонем, сохраняющейся в русском языке в своих основных чертах по сей день. Дальнейшее развитие этой системы привело к возникновению слабых позиций и слабых фонем (или архифонем), а также сверхслабых позиций и квазифонем, что было невозможным в дографическую эпоху, поскольку единство морфемы должно было

обеспечиваться фонологическими средствами, и для этих целей приходилось пользоваться исключительно сильными позициями в рамках фонемного кода морфемы (на Русском Севере такая архаическая система сохранилась в известной мере до сих пор).

С появлением письменности графемный код сначала становится вторичным символом фонемного кода, а затем, к моменту формирования общенародного письменно-сублитературного койне (национального социолекта), графемный код начинает первично и самостоятельно символизировать единство морфемы, а фонемный код идет по пути развития слабых позиций и дефонологизации, в реальной речи приводящей к развитию аканья, качественной редукции гласных, оглушения и озвончения согласных, позже (уже к началу XX века) иканья.

Из сказанного можно сделать вывод, что конец общеславянской эпохи обозначен появлением письменности у славян, и появление письменности отнюдь не связано с алфавитом Кирилла. Другими словами, письменность у славян существовала гораздо ранее 863 года, когда Кирилл и Мефодий осуществили первые переводы христианских текстов на славянский язык в новой графике — кириллице. И этой древнейшей письменностью была славянская глаголица, которая действительно похожа на «черты» и резы». После возникновения глаголицы фонетико-фонологические системы разных славянских языков развивались специфично, т. е. каждая из них пошла своим путем, что и привело к разрушению общеславянского единства и образованию трех групп славянских языков — западной, южной и восточной.

Еще раз вернемся к соотношению глаголицы и греческой азбуки. Итак, если взять глаголицу в качестве рассматриваемой графической системы, то становится заметным ее коренное отличие от греческой азбуки: многие буквы в глаголице обрисованы из положения анфас, что приводит к схожести гласных и согласных букв и в целом является большим недостатком данной графики. В определенную историческую эпоху происходит поворот точки зрения, и привлекается взгляд и проекция в профиль при схематическом изображении артикуляции в виде буквы — по греческому прин-

ципу прорисовки артикуляционных фигур при «иероглифизации» их в облик буквы. Именно поэтому в новой азбуке Кирилла буквы обрисовывают органы речи в профиль, как и в греческой азбуке.

Кроме этого, часть глаголических букв, которые также обрисовывают артикуляцию в профиль, подобно греческим, были перенесены в новую азбуку. И все же в кириллицу были перенесены и исконно глаголические буквы, которые обрисовывали артикуляцию анфас. Однако Константин преобразил их в значительной степени. Этот прием мог возникнуть на довольно развитой стадии письменности, когда буква уже превращалась в знак и в известной мере теряла, хотя и не до конца, мотивированную связь с той артикуляционной фигурой (артикулятетой), которую она изображала. Другими словами, поворот в обрисовке букв из положения анфас в положение в профиль означал поворот развития графической системы в сторону профильной семантизации, а также возможного снижения мотивированности буквы артикуляционным профилем. Для представления буквы как артикуляции в профиль была необходима повышенная степень абстрагирования, что соответствовало и повышению общего уровня общественного сознания, его способности отвлечься от конкретики предмета.

Так осуществлялся переход глаголических букв преимущественно из разряда иконических (сходных по форме) рисунков анфас (фактически — иероглифов артикулятеты) в разряд менее мотивированных буквенных знаков, что сопряжено с понижением изобразительной мотивированности кириллической буквы для языкового сознания. Новая буква теряет иконичность и все больше превращается из иконического символа в маломотивированный знак — именно так мы представляем себе букву в настоящее время, не задумываясь над ее изобразительной природой. Однако большим выигрышем такого подхода оказалось повышение информативности буквы в кириллице, поскольку была преодолена схожесть гласных и согласных букв, которая присутствовала в древнейшей глаголице.

Именно такую графическую «революцию» совершил Константин в 863 году, хотя проект перелицовки старой и создания новой славянской азбуки на греческий лад, вероятно, возник

у Константина после знакомства со славянским письмом в Херсонесе во время хазарского путешествия, о чем говорится в «Житии Константина». Кириллическое письмо было более однотипным и одновременно более информативным, поскольку почти все буквы, за исключением «омеги» и «ферта», схематизируют артикуляторы в профиль и подобны профильным рентгенограммам органов речи, как бы замершим в момент произнесения типового звука речи. Подчеркнем особо, что и в кириллице сохранилась иконическая сущность графического знака до сих пор, а в ряде случаев она даже была усилена, т. е. какие-то черты артикуляций были переданы в нарисованном облике кириллической буквы более точно, и это является достаточным основанием для рассмотрения графических элементов букв с точки зрения их соответствия артикуляционным положениям (кинетам, если дополнить терминологию Бодуэна, использовавшего термин «кинема»).

Однако прорисовка пространственных символов в кириллице, как стоит еще раз подчеркнуть, осуществлялась уже не в анфасной, а в профильной проекции, что характерно, очевидно, для большинства из существующих азбук (арабская вязь, например, очень идеографична — изображает положения языка и ротовой полости именно в профиль, как на рентгенограмме, при этом она включает дополнительные значки, передающие положения органов речи в момент произнесения звуков). В этой связи мы вновь возвращаемся к проблеме различительных признаков для букв.

Итак, если выделять различительные признаки буквы, то они не могут не быть в какой-то степени похожими (гомоморфными, по терминологии Ю. Гастева) реальным положениям органов речи, которые складываются при произнесении звуков. Именно эти положения органов речи (кинеты) следует рассматривать как специфические прообразы для графических различительных признаков (штрихет) протобуквы. Не подлежит сомнению, что в эволюции славянской графики произошел поворот некоторых букв в плоскости строки (буква «лежала», а затем была поставлена писцом на строке), что разрушало изобразительную связь между артикуляционной фигурой и графическим обликом буквы

(кинетой и графическим штрихом, соответствующим этой кинете в пространстве реальной артикуляционной фигуры). Изоморфность артикуляционной фигуры и буквы вследствие этого значительно редуцировалась, а затем у некоторых артикуляционных фигур и букв и вовсе была разорвана, что привело к преобразованию буквы из иконического знака в символический и почти произвольный.

Коль скоро в графике языка можно выделить «штрихету», позволяющую идентифицировать и различать графету (реально видимую букву) при восприятии графических экспонентов слова (буквенных знаков слова), т. е. графических оболочек слов, то в языковом сознании можно обнаружить штрихему, помогающую распознать графему. Важно установить состав и количество штрихет для языков, пользующихся одной и той же графикой. Первые шаги в этом направлении по отношению к кириллице были сделаны З.М. Волоцкой, Т.Н. Молошной и Т.М. Николаевой (1964), хотя ими не была учтена возможная связь характера артикуляции звука и формы буквы, что является, на наш взгляд, обязательным в филогенетическом и небесполезным в онтогенетическом аспектах разработки данной проблемы, поскольку своеобразный «графический символизм» во внешней форме кириллических и латинских букв, бесспорно, существует. Причем в латинской, греческой и кириллической азбуке можно даже наблюдать семантико-визуальные соответствия, например, графета (o), артикулетета (o) и звук (o) участвуют в построении слов, содержащих семантику круга, окружности.

Если предположить, что основными выразителями образного смысла в древнейший период развития индоевропейских языков были гласные фонемы под ударением, а согласные конкретизировали создаваемый звуком или артикуляцией основной, главенствующий образ, то этот феномен становится вполне понятным. В целом это позволяет обнаружить графический символизм в таких древнейших корнях, как дОм, лОг, рОг и т. д., которые в той или иной степени содержат идею круга, оболочки, сферы вокруг и т. д.

Примером подобного рода могут служить также суффиксы в славянских фамилиях на -ко (Иванен-ко, Петрен-ко и т. д.): идея

семейного круга выражена в них звуком, артикуляцией и графемой /о/; идея вхождения в этот круг лиц (или семью) передается предлогом «к», который и сейчас имеет подобное значение принадлежности к чему-либо (характерны названия статей «К вопросу о...»). Получается комплексная идея вхождения (предлог — к) в некий семейный круг, символизируемый графемой (О). Другой славянский суффикс фамилии *-ов* также содержит идею семейного круга и идею вхождения в этот круг, которая передается при помощи предлога «в», по своей семантике ничуть не изменившегося с древнейших времен. Поэтому русский суффикс *-ов* полностью синонимичен украинскому «фамильному» суффиксу *-ко*, при этом тот и другой изобразительны в очень значительной степени. В суффиксе фамилии *-ин* содержится совсем другая идея: «-ин» значит иной, какой-то, один из; следовательно, в фамилии «Иль-ин» содержится идея «один из семейства Ильи». При этом идея семейного круга в таком случае отсутствует, на первый план выходит идея посесивности, принадлежности лично Илье. Весьма вероятно, что такая фамилия появляется позже и соответствует эпохе развитой идеи собственности, включая право собственности на личность, что типично для рабовладения.

Следующим этапом развития фамильного суффикса оказывается элемент *-ский*, который передает идею привязанности человека к локусу, месту, местности (Львовский, Новгородский и т. д). При этом некий семантический флер приближения, совместности, свойственный предлогам «с» и «к» в совокупности, до сих пор ощущается. Что же касается символизма артикуляций и графет элементов этого суффикса, то мы не способны, пожалуй, уже сейчас ощутить этот иконизм фоносимволизма, который может улетучиваться со временем.

Возвращаясь к вопросу о различительных признаках графет (т. е. реальных букв, при этом графема — это образ графеты в лингвистическом секторе человеческого сознания), названных здесь штрихетами, подчеркнем, что стала очевидной невозможность их осознания вне связи с артикуляционными реалиями, т. е. с кинетами и артикуляциями (предложенные термины восполняют терминосистему Бодуэна). Не вызывает сомнения, что

геометрическое расположение штрихет в кириллических буквах соответствовало ранее и сейчас в значительной степени соответствует положению языка относительно пассивного речевого органа, с одной стороны, или положению губ, с другой стороны. Так, буква (В) схематизирует в профиль сомкнутое положение губ — в виде почти непосредственного рисунка губ, подобно и букве (Б), но последняя более динамична: передает прямой штрихетой движение верхней губы вверх.

Уникальной является буква (Ф), которая анфас передает смычку губ в центре и округлые, как у лежащей цифры восемь, отверстия-проходы по бокам, что хорошо заметно при рассмотрении артикуляции данного звука в зеркале. Другими словами, буква «ф» довольно точно и схематично обрисовывает артикуляцию губ при произнесении звука «ф». Весьма вероятно, что буквы (к) и (г) также изображают профильное положение органов речи. Так, вероятно, (к) символизирует распахнутое положение губ, а (г) — выпяченную вперед верхнюю губу. Буква (х) схематизирует в профиль такое же, как у (к), положение губ и наличие внутриротового резонатора. Буква (п) схематизирует запертое положение губ, при этом она развернута на четверть круга влево, т. е. не лежит, а стоит на строке, хотя рисунок органов речи более точно в букве может передаваться в том случае, если ее «положить на бок» запертым вертикальной чертой концом. Буква (м) динамична и схематизирует раскрытие губ, т. е. обрисовывает конечную фазу артикуляции, а не начальное замкнутое состояние губ.

Таким образом, губные артикуляторы передаются геометрически схожими буквами, изображающими губные артикуляции, поэтому штрихеты (графические элементы букв) в значительной мере коррелируют с кинетами (артикуляционными положениями органов речи в момент произнесения звука) и в какой-то степени являются их графическими схемами, т. е. рисунками (иероглифами).

Группа язычных артикуляторов образует свою систему соответствий, где схематизации подвержен главным образом язык как активный речевой орган относительно пассивных, а также схематизируется положение губ. Например, буква (з) в профиль схематизирует два полукружных резонатора, которые образуются губа-

ми и зубами: один образуется вогнутым языком снизу, другой — выпяченной вперед верхней губой (в более старой версии буквы полукружья не были равны, как и в артикуляционной фигуре — верхнее было бóльшим. Буква (с) схематизирует один резонатор для завихрения воздушной струи, очевидно, образуемый верхней губой, где происходит осязаемое трение воздушной струи.

В целом и в облике других букв кириллического алфавита можно обнаружить сходство с проекциями органов речи, которые те занимают в момент произнесения типовых звуков речи. При этом подчеркнем, что в некоторых языках наблюдается сходство в произношении звуков речи, поэтому схематические рисунки, которыми, по существу, и являются буквы, оказываются сходными просто потому, что их приходится обрисовывать сходным образом в профиле буквы.

Наконец, перейдем к построению фрагмента теории штрихет и кинет, которую еще предстоит создать в науке о букве. Итак, примем в качестве аксиом следующие положения:

1. Чтобы получить понятие, адекватное различительному признаку звука, различительный признак буквы должен быть охарактеризован с визуальной точки зрения геометрически.

2. Этот признак обязательно должен присутствовать и повторяться при написании буквы в любом шрифте или почерке.

И такое положение дел мы действительно наблюдаем в графике языка: графическое изображение смычки или щели различает геометрические облики букв. Нетрудно заметить, что артикуляционная щель геометрически и графически изображена через элемент округлого (круглую штрихету) в буквах (в) и (ф), (с) и (з), (ж), (ш) и (х). Такой элемент отсутствует в буквах, «рисующих» артикуляции смычных звуков (п), (м), (т), (д), (к), (г). Противоречат обнаруженной закономерности облик буквы (б) (есть округлая штрихета, а звук смычный), однако в данном случае доминирующим графическим элементом оказывается обрисовка положения губ с сопутствующим звучным компонентом — в противоположность графете (п), о чем говорилось выше. При этом именно такая обрисовка идеи звонкости «б» может быть чисто случайной, можно было изобразить этот различительный признак фонемы в виде другого различительного при-

знака графемы, но некоторая изобразительность положения верхней губы в облике буквы «б» все же присутствует, поскольку, в отличие от запертости «п», в облике «б» имеется проход, типичный для звучности (звонкости — как РП) в целом.

Выводы. Таким образом, можно предположить, что система различительных признаков графет (букв) в определенной степени мотивирована артикуляционными фигурами языка (положениями органов речи в момент произнесения звука), и такое положение сохраняется в любом самом развитом языке, обладающем фонемографией (точнее было бы в некоторой степени говорить — с позиций вышеизложенного — об артикулятографии). Становится понятным, что графическая система многих современных языков обладает достаточно изоморфным параллелизмом артикуляционной и графической системы, т. е. речь идет об изоморфизме или гомоморфизме положений органов речи (кинет) и графических элементов букв (штрихет).

В этой связи возникает удивительное и чудесное свойство изобразительности как артикуляционного, так и графического облика слова в языке. В таком случае можно говорить о константном графемном шифре написанного означающего, корреспондирующем константному артикуляционно-фонемному шифру озвученного означающего того или иного слова языка. Именно поэтому как графический, так и артикуляционный облик слова, например «о-хват», прямо изобразительно передает идею круга, круглого, охватывающего. Подобное происходит и с корневой морфемой, включающей в центр подударный «о», как уже говорилось, это слова типа «дом», «ком» (круглый предмет), «лом» и т. д. Именно по константе графемного и фонемного шифра означающего слова и происходит идентификация слова на уровне предсознания, именно поэтому философы в диалоге Платона «Кратилл» говорили о правильном имени. Думается, что платоновская идея эйдоса вещи очень точно переплетается с идеей графического и артикуляционного изображения этого эйдоса, под которым Платон понимал основную идею вещи. Не подлежит сомнению, что константа графемного шифра тождественна константе фонемного шифра означающего, из чего следует, что в индивидуальном языке пишущего слабые позиции для фонем тождественны сла-

бым графемным позициям, где графемы могут нейтрализоваться и часто устраняются в письменной речи малограмотных людей.

Показательно, что слово еще можно написать как *ишо*, *ишчо* — и все равно оно будет понятным, потому что ни в одном из неправильных написаний не затронуты константа фонемного шифра и константа графемного шифра слова (элемент (щ + о)), главным образом обеспечивающая связь с его значением в устном или письменном варианте языка (не ясно, что может означать звуко-символ и + Щ, но очень понятен звуко-символ (о)). Фактически речь может идти о существовании архиграфем и квазиграфем, подобно архифонемам и квазифонемам в звуковой форме языка, образующих вместе с собственно графемами градационную графемологию языка, по образцу градационной фонологии языка [11; 12]. Примером архиграфемы служит написание *сабака* или *симья*, где можно выделить архиграфемы (о – а) или (э – а), которые в письменной речи репрезентированы графетами (буквами) (о) или (е). Важно подчеркнуть, что при большой скорости чтения возникает непосредственная связь между значением и графическим обликом слова — минуя его звуковую ипостась.

Квазиграфему можно проиллюстрировать написаниями типа *лесница*, *солнце*, в которых может быть пропущена буква, но это не приведет к разрушению значения слова и не нарушит его понимания, более того — это даже не будет замечено при быстром чтении. Если для репрезентации гласной квазифонемы (*) в русском языке имеются специфические редуцированные звуки (ъ) и (ь), то для репрезентации квазиграфем нет специальных графет, а используется графический ноль, т. е. отсутствие буквы приобретает статус квазиграфеты. При этом не страдает ни скорость восприятия и распознавания слов, ни их смысловая нагруженность: дело в том, что воспринимающее сознание не учитывает все признаки при идентификации графического экспонента слова, а только наиболее нагруженную информативно часть, т. е. константу знакового шифра слова (фонемного или графемного шифра слова). Кроме этого, большое значение имеет опережающее распознавание, которое навевается контекстом.

Из этого можно сделать вывод, что графическая форма речи, как и звуковая, обладает избыточностью. Древнейшие системы славянского письма, использовавшие титло, были в этом смысле намного прогрессивнее любого современного письма с развернутыми и полными (без сокращений) написаниями графических экспонентов слов в наши дни. Подводя итоги, подчеркнем, что градационная графемология может быть построена как параллельная градационной фонологии разновидность лингвистической науки и принести пользу в решении насущнейшей проблемы совершенствования графики русского (или любого «графически» родственного ему) языка.

Литература

1. *Амирова Т. А.* Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка / Т.А. Амирова. – М.: Наука, 1985. – 286 с.
2. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 209–235.
3. *Волоцкая З. М.* Опыт описания русского языка в его письменной форме / З.М. Волоцкая, Т.Н. Молошная, Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1964. – 386 с.
4. *Гамкрелидзе Т.В.* Происхождение и типология алфавитной системы письма: (Письменные системы раннехристианской эпохи) / Т.В. Гамкрелидзе // Вопросы языкознания. – 1988. – № 6. – С. 5–33.
5. *Гельб И. Е.* Изучение систем письменности у древних славян) / И.Е. Гельб. – Ростов на Дону: Ростовское н/Д кн. изд-во, 1957. – 156 с.
6. *Георгиев Е.* Славянская письменность до Кирилла и Мефодия / Е. Георгиев // Чудинов В.А. Вселенная русской письменности до Кирилла. – М.: АЛЬВА-ПЕРВАЯ, 2007. – С. 45–46.
7. *Гошев И.* Негреческие кирилломефодиевские знаки в так называемой кириллице / И. Гошев // Чудинов В.А. Вселенная русской письменности до Кирилла. – М.: АЛЬВА-ПЕРВАЯ, 2007. – С. 68–75.
8. *Зиндер Л. Р.* Очерк общей теории письма / Л.Р. Зиндер. – Л.: Наука, 1987. – 112 с.

9. *Истрин В.А.* Какого рода докирилловское письмо могло существовать у славян / В.А. Истрин // Чудинов В.А. Вселенная русской письменности до Кирилла. – М.: АЛЬВА-ПЕРВАЯ, 2007. – С. 53–63.
10. *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография / Е.Ф. Карский. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – 494 с.
11. *Киров Е.Ф.* Теоретические проблемы моделирования языка. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1989. – 256 с.
12. *Киров Е.Ф.* Фонология языка. – Ульяновск: СВНЦ, 1997. – 541 с.
13. *Константинов Н.А.* Начало расшифровки загадочных знаков Приднепровья / Н.А. Константинов // Чудинов В.А. Вселенная русской письменности до Кирилла. – М.: АЛЬВА-ПЕРВАЯ, 2007. – С. 381–386.
14. *Константинов Н.А.* Черноморские знаки и глаголица. Очерки и исследования по истории русского языка / Н.А. Константинов // Ученые записки ЛГУ. – 1957. – № 197, серия филологических наук. – Вып. 23. – С. 110–147.
15. *Куев К.М.* Отново за годината. Когдато е била съставена славянската азбука / К.М. Куев. – Т. 54. – Кн. 1. – София: Годишник на Софийски университет, 1960.
16. *Леонтьев А.А.* Некоторые вопросы лингвистики / А.А. Леонтьев // Вопросы общего языкознания. – 1991. – № 1. – С. 8–10.
17. *Лоукотка Ч.* Развитие письма / Ч. Лоукотка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. – 320 с.
18. *Фигуровский И.А.* Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными знаками» / И.А. Фигуровский // Ученые записки Елецкого пединститута. – Вып. 2. – Липецк: Изд-во Липецк. пед. ин-та, 1957. – С. 48–56.
19. *Черных П.Я.* К вопросу происхождения древнерусского письма / П.Я. Черных // Чудинов В.А. Вселенная русской письменности до Кирилла. – М.: АЛЬВА-ПЕРВАЯ, 2007. – С. 30–44.
20. *Чудинов В.А.* Вселенная русской письменности до Кирилла / В.А. Чудинов. – М.: АЛЬВА-ПЕРВАЯ, 2007. – 665 с.

E.F. Kirov

Russian Graphics Before and After Kirill

In this paper we consider the origin of a letter as a language token. The solution proposed is so simple that it can explain the amazing pheno-

menon of similarity of letters in different geographically distanced alphabets. According to the paper, the letter is a schematic image of the position of speech organs at the moment of speech production. Some of the letters still remain iconic, for example, the letter “o” in the graphic systems of different languages. It is a plausible explanation for the similarity in the shape of letters belonging to different graphic systems of the world. This similarity is seen as inevitable as identical sounds existing in different languages can only be represented by similar or identical tokens.

Key words: alphabet; letter; character; genesis of the letter; grapheme; phoneme; Cyril and Methodius.